



ЭХО ВОЙНЫ



ДМИТРИЙ ЗАВАРОВ

Хроники Армады

Дмитрий Заваров

Эхо войны

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Заваров Д. В.

Эхо войны / Д. В. Заваров — «Махров», 2017 — (Хроники Армады)

ISBN 978-5-699-96293-8

Цивилизация уничтожена. Они – всё, что осталось от человечества. Горстка людей, пытающихся приспособиться к новым правилам мертвого мира. Против них – мутанты, аномалии, неизвестные вирусы... и нечто страшное, чему пока еще нет названия. Чтобы повернуть вспять Апокалипсис, боевой тройке сталкеров с позывными Глок, Чекист и Чапай предстоит отправиться в далекое прошлое, на Великую Отечественную войну. Где совместно с полковой разведкой и оперативниками спецгруппы СМЕРШ взять штурмом секретный объект фашистов, находящийся на территории нынешнего Чернобыля.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96293-8

© Заваров Д. В., 2017
© Махров, 2017

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 6 |
| Глава 2 | 11 |
| Глава 3 | 16 |
| Глава 4 | 23 |
| Глава 5 | 27 |
| Глава 6 | 32 |
| Глава 7 | 37 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 38 |

Дмитрий Заваров

Эхо войны

В оформлении фона обложки использована иллюстрация: alexaldo / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

На обложке фрагмент работы художника *Игоря Варавина*

В оформлении использован рисунок художника *И. Варавина* из проекта «СМЕРШ идет по следу. Спасти Сталина!» серия «ВОЙНА. ШТРАФБАТ. ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ! 2015 год»

Глава 1

4 октября 1943 года. Позиции 1078-го стрелкового полка 322-й стрелковой дивизии

Дверь «Студебеккера» распахнулась с каким-то театральным скрипом. В прокуренную кабину, словно поджидал этот момент, сразу же ворвался пахнувший осенней сыростью ветер, ударил в лицо, сорвал с самокрутки несколько крупных оранжевых искр.

Я нащупал ногой невидимую в темноте подножку, встал на нее, машинально похлопал себя по карманам – все ли на месте, подтянул планшет.

Темень стояла хоть глаз выколи. Только за еле различимой гребенкой леса облака подсвечивались холодными, мерцающими отблесками – видимо, от осветительных ракет.

– А это точно 78-й?

– Вторую неделю тут мотаюсь!

Тень шофера качнулась в полумраке кабины, и вдруг перед капотом вспыхнули два синеватых световых конуса, стала видна разъезженная, усыпанная кляксами жирной грязи дорога, от которой в сторону леса отпочковывался совсем уж убитый проселок с глубокими, залитыми водой колеями. Перед поворотом стояла струганая слега с раскисшим фанерным указателем: «Хозяйство Казначеева». Фары так же резко погасли, и ночь снова залепила глаза.

– Тут с полкилометра, не больше, – обнадежил водитель.

– Ну ладно тогда. Бывай, что ли?

– Табачку бы отсыпали, товарищ лейтенант. – На силуэте головы блеснула полоска зубов.

– Держи.

Я кинул на сиденье почти полную пачку госпитальной махорки – все равно не могу ее, проклятую, курить. Подцепив вещмешок, прыгнул на землю, хлопнул дверью. Водитель рванул с места – подпрыгивая в ночи, замигали светлячки стоп-сигналов и, метнувшись влево, исчезли. Едко-ароматное облачко бензиновой гари растеклось над невидимой дорогой. В наступившей тишине явственно проступили осторожные, вкрадчивые звуки: шум ветра в траве, шелест листвы, далекие удары артиллерии. Я в две затяжки добил вонючую самокрутку и посмотрел на часы: светящиеся стрелки показывали ровно полвторого.

Дождь закончился, когда выезжали со станции, однако воздух все еще был густо пропитан влагой. Из-за горизонта, совсем у края, показалась яркая звезда – ракета, – будто выглянула из озорства. И тут же нырнула обратно, оставив после себя бледное пятно зарева.

Километра два – прикинул я расстояние до передовой. Включил фонарик и, обходя заполненные водой выбоины, двинулся в сторону леса. Как только дорога нырнула в березняк, наполненный шорохом падающих капель, путь перегородили две комковатые тени: бойцы в плащ-палатках, за их спинами, на обочине, виднелось что-то типа грубо сколоченного навеса с лавочкой и столиком. По глазам полоснул луч, заставив зажмуриться.

Предвосхищая вопрос, я было полез за документами, но, заметив, как один нервно дернул стволом ППШ, замер. «Бдительность!» – прозвучал в голове свирепый голос майора Кузуба. Пристрелят еще, стражи рубежей...

– Предъявите документы! – обратился тот, что постарше, с вислыми усами.

Вот теперь можно. Который помоложе, совсем салага еще, все так же грозно выставив ствол, внимательно следил за моей рукой. И под этим взглядом я плавно извлек из кармана гимнастерки удостоверение. Луч фонаря переместился на документ, и я с облегчением проморгался.

– Аптамат поправь, служивый, – посоветовал молодому.

Шмыгнув носом, парень сделал вид, что это к нему не относится. Усатый старшина скрупулезно рассматривал удостоверение. Впрочем, в движениях его уже появились нотки почтения. Ну да: лейтенант Зуев Алексей Семенович, Смерш.

– Убери, – буркнул усатый напарнику.

Автоматный ствол нырнул в темноту. Паренек снова шмыгнул носом.

– Где особый отдел, ребята? – поинтересовался я, принимая удостоверение от козырнувшего старшины.

– Так что сейчас до полянки и направо, вдоль опушки. Там спросите. Только фонарь выключите, запрещено в ночное время.

Сообщив это, усатый устало козырнул и пошагал к навесу. Чуть поколебавшись, молодой автоматчик двинулся следом. Я услышал, как он с плеском оступился в колею и неумело выругался. «Бдительность!» – мысленно рявкнул я в сутулую спину героя. Можно было бы и вслух, но существовала вероятность, что этот «бывалый» фронтовик произвольно начнет стрелять. Отойдя метров на пятьдесят, я снова включил фонарь: по такой темноте пусть сами ходят на ощупь.

Искать ничего не понадобилось. Первым, кто встретился мне на наполненной еле видной ночной жизнью поляне, был сам шеф, полковник Мошин: его долговязую сторбленную фигуру нельзя было не узнать даже в вязкой осенней темноте.

То, что у Мошина чутье – о том знали в отделе все. Серега Фрязин на полном серьезе рассказывал, что шеф умеет читать мысли, причем даже по-немецки. Я в эти антинаучные заявления, конечно, не верил, но факт был налицо: в который раз уже полковник умудряется оказываться в нужном месте в нужное время.

– Здравия желаю, вашество! – язвительно произнес шеф.

– Рад стараться! – Я пожал плечами.

Пауза затягивалась. Откуда-то тянуло сладковатым березовым дымом, но костра нигде не было видно. Я не выдержал первый:

– А как еще я мог добраться, Федор Степаныч? На такси денег не выделили.

– Ладно, путешественник, пошли, – смиростивился Мошин. – Фонарь гаси, у нас тут с маскировкой строго. Бомбят. Как плечо? – поинтересовался он, уже развернувшись.

– Нормально.

– А вещмешок почему слева?

Я только хмыкнул и поспешил следом. Сейчас было сложно прикинуть размеры поляны, но, судя по всему, места хватало. В темноте чувствовалось присутствие большого количества деятельного народа: чавкали шаги, слышались обрывки разговоров, то тут, то там ночь протыкали багровые точки сигарет. Полковник споро шагал по тропинке вдоль опушки – под сенью деревьев виднелись угловатые силуэты, срывающиеся капли выбивали неритмичную дробь на жести автомобильных крыш, глухо шлепали по дереву. Однажды на нас пахнуло ароматом гречневой каши с мясом, пустой желудок отозвался надеждой, но полевою кухню разглядеть не удалось, хотя звон посуды раздавался совсем рядом, за густой порослью орешника.

Размечтавшись об ужине, я еле углядел, как сутулая тень Мошина нырнула в темнеющий проход меж деревьев. Метнулся следом и чуть не наскочил на шефа: полковник остановился у невысокого ограждения из березовых слег. В земле невнятно просматривалась широкая щель входа в землянку.

Шеф схватился за поручень, но тут же замер, прислушиваясь. Впереди, за лесом, несколько раз ухнули зенитки, истерично протарахтел пулемет. И все затихло. А спустя пару секунд заострившийся слух вычленил в шуме шелестящей листвы нарастающий тугой гул. Фигура полковника выпрямилась и застыла с задранной головой. Самолеты шли достаточно высоко, судя по всему – несколько звеньев.

– «Хенкели», – уверенно заявил Мошин.

Я не стал спорить. К тому же, откровенно говоря, по звуку различать немецкие самолеты не научился. Было у меня подозрение, что и товарищ полковник в этом не силен...

Попав на фронт, шеф как-то быстро вошел в роль бывалого вояки: с удовольствием носил форму, усиленно обрастал привычками и манерами кадрового военного. Получалось у него это не всегда аутентично, но пусть уж – как говорится, чем бы дитя ни тешилось.

А землянка вопреки ожиданию оказалась довольно-таки уютной. Бревенчатый потолок был достаточно высок даже для долговязого полковника, аккуратно подогнанные доски прикрывали стены, делая помещение похожим на баню. Впечатление портил только утоптаный глиняный пол. У дальней стены торцом стоял импровизированный стол, собранный из снарядных ящиков, за отгороженным плащ-палаткой углом виднелся край походной кровати. Слева от входа, возле заставленного посудой ящика, сидел, нет, точнее – возвышался Сема... а если совсем точно: ординарец и водитель полковника Мощина сержант Тимохин Семен Федорович. При свете «летучей мыши» подшивал воротник гимнастерки. Его широкое конопатое лицо расплылось в радостной улыбке, отчего стало еще шире. Хороший человек Сема, отзывчивый, метра под два ростом, косая сажень в плечах, ну а мозгов много ординарцу не надо, чай, не следовательно по особо важным делам.

– Леха! – радостно выкрикнул Сема.

Он вскочил и даже будто бы сделал попытку обнять меня, отчего я невольно отшатнулся: попасть в лапы этого медведя... Плечо еще болело, как правильно догадался товарищ шеф.

– Семен! – одернул его Мошин. – Сходи на кухню... полевую кухню. Сгоноши поесть. И кипятка там организуй. Быстро.

– Есть, – щелкнул каблуками Тимохин.

Сема ухватил со стола два котелка, мимоходом с хрустом пожал своей лопатой мою бедную руку и выскочил наружу.

– Будто не в армии, а на завалинке, – проворчал полковник. – Стыдно перед офицерами.

Он прибавил фитиль в лампе и перенес ее на свой стол. Я огляделся, скинул в угол вещмешок, повесил на стену сырой плащ и уселся напротив Мощина, осторожно сдвинув в сторону папку с документами.

– Шикарная землянка. – Я решил подбодрить шефа.

– В наследство досталась, от местного особиста. Твой друг майор Краснов приютил по-братски, а сам счел целесообразным перебраться поближе к штабу дивизии.

Мошин закурил. Я демонстративно достал запечатанную пачку махорки и, положив на стол, попытался оторвать полоску бумаги от газеты.

– Ну на, на, кури! – Полковник бросил на стол пачку «Казбека». – Бедный родственник!

– Кто мы, и кто вы. – Я хищно завладел папиросой.

– Не приbedняйся, – попросил Мошин.

Щурясь от ароматного дыма, он внимательно, оценивающе осматривал меня. Я вытянул вперед правую руку, продемонстрировал ее работоспособность. Полковник покивал. С ответной бесцеремонностью я оглядел шефа. Все без изменений: глубоко посаженные колючие глаза, шишковатый бритый череп, огромный мясистый нос, остро выступающий подбородок. К фигуре Мощина больше всего подходило определение «несуразная»: мосластые руки, длинные худые ноги, чрезвычайно сутулая спина.

– Сойдет? – спросил Мошин, дождавшись окончания осмотра.

– А есть варианты?

– Вот именно! – скупой улыбнулся полковник, но тут же сменил тон: – К делу. Сегодня... точнее, уже вчера, около шести часов утра примерно в тридцати метрах от наших позиций был обнаружен труп немецкого солдата, фельдфебеля в форме артиллериста. Сквозное ранение спины чуть ниже левой лопатки: идеально круглое отверстие диаметром около пяти сантимет-

ров. Поражающий элемент не найден. Оружие идентифицировать не удалось. Есть мнение, что этот случай по нашей части.

Деловая манера полковника, хорошо знакомая по работе в МУРе, перечень фактов, четкие формулировки – я невольно почувствовал азарт. Может быть, действительно по нашей части? У него, шефа, отменное чутье.

– Тело? – спросил я быстро.

– В Ельск отвезли, в морг.

– Место осмотрено?

– С этим затруднение, Леша, – вздохнул полковник и поскреб ногтем край лежащей перед ним тетрадки. – Берег реки, у самой воды. Склон простреливается противником – до его позиций на том берегу не больше двухсот метров. Осмотр возможен только ночью...

– Ну так осмотрели? – нетерпеливо перебил я.

– Осмотрели, куда деваться-то. Но так, по мере возможности. – Мощин пожал плечами совершенно по-штатски. – Лично лазил. Ничего не нашли.

– С чего вы взяли, что неизвестное оружие? Вдарили чем-то типа трубы...

– Поедешь завтра в морг, сам посмотришь. Аккуратное отверстие на кителе, майке, ровные края раны, явный полукруг на лопатке, ребрах... И никаких деформаций. Как дыроколом пробили.

– Кто еще этим занимается?

– Пока никто, – лукаво улыбнулся полковник.

– Как это? А пятый отдел? Чудо-оружие все-таки.

– Я не докладывал. Возможно, это наш шпион. Если так, им сразу займутся другие, а нас отодвинут.

– Почему сразу шпион? – отметил я, вытягивая из командирской пачки еще одну папиросу.

– Почему?... – переспросил полковник, окинув меня каким-то странным взглядом, будто примеряясь, как половчее ударить.

– Чего? – Я сразу же насторожился.

Знаем этот взгляд, встречали уже. Сейчас будет интересно! Мощин закурил, посидел какое-то время, выпуская дым в потолок. Гремя котелками, вернулся Сема. Без слов разложил добытую провизию на ящике и так же без слов, покосившись на нас, молча выпускающих дым, вышел.

– На правом бедре трупа фельдфебеля была обнаружена русская надпись, предположительно кровью: «ле Андре». Расшифровано мной как «лейтенант Андреев».

– Не слишком ли самоуверенно?

– Отнюдь. В нашем стрелковом полку как раз имеется лейтенант Андреев, командует разведротой.

– Резонно, – согласился я. – Но зачем было писать его имя на трупе?

– Интересно другое: прозектор клянется, что при первичном осмотре, когда срезали одежду, надписи этой не было. Появилась она потом.

– Ну это понятно. Вряд ли немец перед тем, как перейти на сторону врага, писал кровью на бедре имя советского командира.

– А между тем писал именно он, – спокойно, даже как-то равнодушно заявил полковник.

И снова мы уставились друг на друга. В наступившей тишине было слышно, как потрескивает фитиль в керосинке и шуршит что-то за обшивкой стены. Я глубоко, до рези в горле, затянулся и растер окуроч по стенке гильзы-пепельницы.

– Откуда такая уверенность? – поинтересовался лениво.

– На-ка вот, посмотри.

Пока шеф рылся в бумагах, я незаметно стянул из пачки пару папирос – от него не убудет, а у меня от ихней махорки глаза вываливаются. Только успел припрятать добычу, как Мощин бросил передо мной небольшую книжицу в потрепанной кожаной обложке, перетянутую бечевкой.

– Что это?

– Что-то вроде дневника нашего русско-немецкого трупа. Рекомендую ознакомиться. Весьма занимательно.

Глава 2

20 августа 2016 года. Киев

Когда город теряет свое имя? Сталинград во время Второй мировой разнесли в пыль, но он все равно остался Сталинградом. А вот этот, хоть и разрушились преимущественно только высотки, в Киеве больше не назовешь, язык не поворачивается. Город похож на высосанную пауком бабочку – оболочка сохранилась, а внутри пусто.

Мы идем по широкой улице, асфальта не видно под толстым слоем серой пыли. Пыль ленива и тяжела, она не взвигается в воздух, не липнет к ногам. А может быть, это пепел. Ведь куда-то же делись все люди? За напарником, Буром, тянется вереница следов: серый налет с филигранной точностью повторяет рисунок подошв. Пыль недвижима, но я знаю, что спустя пару дней эти отпечатки исчезнут. Жуткое место Город.

Бур держится ровно по центру, голова его равномерно поворачивается из стороны в сторону – он следит за окнами. Точнее, за оконными проемами, – окна разбиты, покорежены, вырваны с мясом. Я иду следом, чуть левее, чтобы иметь свой сектор обстрела.

Все дома кажутся одинаковыми, потому что однообразно облеплены пылью. Брошенные вдоль улицы машины тоже присыпаны, да так густо, что иной раз и модель не разберешь. Даже солнце, периодически выглядывающее из-за облаков, не в силах разбавить эту серость. Иногда луч высекает искру из осколка стекла или какой-нибудь металлической детали, но от этого еще тоскливее.

Улица, прямая как стрела, вдалеке упирается в небо. Этого неба здесь очень много. В Городе оно доминирует, выступает из всех щелей, лезет между домами и даже сквозь них.

– Говорят, тут собаки появились, – обернувшись на секунду, сообщает Бур.

Ну да, собаки. Друзья человека. По старой памяти поселились там, где раньше обитали их хозяева. Только чем им тут питаться? Тенями и пеплом? Маловероятно. Да дело даже не в пище – просто никто тут долго находиться не может. То ли атмосфера такая, то ли еще что. Говорят, раньше легче было. Не знаю, не пробовал. Сейчас мы только полчаса в Городе – и уже начинаются слуховые галлюцинации: кажется, что где-то вдалеке кричат люди. Трясу головой – проходит. И снова идем в тишине.

Отмечая еле видные под слоем пыли контуры тротуаров, вдаль уходят шеренги фонарных столбов. Провода на них отсутствуют, закопченные плафоны грустно нависают над дорогой.

Мы поворачиваем за угол и упираемся в пустоту. Перед нами широкая площадь, которую пересекает проспект. Здесь почти нет пепла: видимо, не успевает накапливаться – уносит ветер. В центре блестит чаша фонтана, до краев заполненная отражением неба. Бур долго стоит в тени дома, разглядывает просторы. Вокруг фонтана торчат пеньки, среди которых неуместно затесался лохматый, чуть тронутый желтизной клен.

– В прошлый раз, когда со Штопором ходили, тут к нам шатуны прицепились, – сообщает напарник.

Шатуны – это не ходячие мертвецы. Это живые люди. Так, во всяком случае, утверждает Хирург. А Хирург в этом вопросе разбирается. Правда, он всегда добавляет: «в биологическом смысле». Ну да, когда их подстрелишь – кровь брызгает. Только где это видано, чтобы живые люди после сквозного ранения в голову могли двигаться?

Пусть и не агрессивные они, не опасные, но все равно... Не зря этих шатунов даже твари стороной обходят. Помню свою первую встречу с таким. Вылез из подвала, с виду – человек человеком, пожилой, лысый, и даже галстук на шее. Я из-за галстука и не выстрелил – неловко

стрелять в человека, одетого в костюм, пусть и чрезвычайно грязный. А он подошел почти впритык, остановился – смотрит. И жутко это: глаза вроде есть, а взгляда нет. И воняет от него... нет, не гнилью, а примерно как от дождевых червей, что я на рыбалку копал, – вот такой же запах, только на порядок сильнее. Я потом от этого шатуна еле избавился, весь Ельск он следом за мной тащился, молча и грустно, чуть пошатываясь. Уж совсем решился его пристрелить, но передумал – попробовал убежать. Какое-то время шатун неуклюже рысил следом, пока на повороте не зацепился ногой за бордюр. Со всего размаху шлепнулся на асфальт. И заплакал. Я даже вначале не понял, что это за звук. Отвык давно от таких звуков... В общем – лучше с тварью какой встретиться, они хоть душу не рвут.

Бур заканчивает присматриваться-прислушиваться, выходит из-за стены, но тут же юркает обратно, предостерегающе подняв руку. Я тоже замечаю движение: когда вокруг все так неподвижно, любое шевеление – как крик в тишине. На доме, с другой стороны площади. По краю крыши через равные промежутки расставлены какие-то обелиски – любили сталинские архитекторы такие приколы. И вот у второго от угла обелиска мелькнула какая-то тень.

Осторожно высунувшись, Бур разглядывает крышу через оптику. Я беру под контроль улицу. Солнце выходит из-за облаков, и площадь преобразается: взрывается бликами чаша фонтана, одинокий клен загорается желтым, и даже по гранитной брусчатке начинают бегать еле заметные искорки.

Но вся эта красота проходит мимо сознания. Дом на той стороне. И на крыше кто-то есть. Основательный дом, крепкий. Первый этаж выложен выпуклыми коричневыми блоками. Там до Взрыва располагался какой-то магазин – чернеют арки витрин, в двух даже стекла сохранились. А выше – четыре жилых этажа. Светлый кирпич с декоративными элементами. Похожие дома у нас в Москве на Тверской стояли. Тишина. И снова начинает мерещиться перекличка человеческих голосов.

– Кто там? – не выдерживаю я.

– Хрен его знает, – цедит, не отрываясь от прицела, Бур.

– Давай, от греха, обойдем.

– Обойдем... Куда ж тут обойдешь? Видишь, там внизу магазин – это «Радиолобитель» и есть.

Да уж... Тут я пожалел, что взял «калаш». Надо было «винторез» брать. Хотя кто ж знал? Город с самого Взрыва пустой стоит, если не считать шатунов. Нравится им тут почему-то. Видимо, инстинкты влекут к человеческому жилью. Ну еще наши сюда за продуктами захаживают. А больше тут никого и нет, даже аномалий. Твари – и те в Городе не селятся, тоже чувствуют что-то, от чего и людям иной раз завывать хочется. Рассказывали, что в воинской части, на городской окраине, уцелело после Взрыва сколько-то бойцов, так они, как очухались, погрузились на «КамАЗы» и помчались в сторону Москвы.

– Может, показалось... – бормочет Бур.

– Второй шпиль слева?

– Тоже заметил? Хреново.

Понятно, что хреново. Шатуны на крышу не полезут. Из наших никто в Город не собирався. А мы, если через площадь пойдем, как мишени в тире будем. Даже если не через площадь – разницы мало, все равно проспект пересекать, а он достаточно широкий, чтобы нас раз десять можно было пристрелить, было бы желание. В дальнем углу площади замечаю гранитный парапет подземного перехода. Можно подобраться к нему с той стороны дома... Толку, правда, не очень много будет. Так и так на открытую улицу выходить. С другой стороны, кому мы на хрен нужны? Что с нас взять-то? Мой «калаш»? Или буров «винторез»? Так на складах за рекой этого добра на дивизию хватит. Примерно в этом ключе я и высказываюсь.

– А с чего ты решил, что это человек? – возражает Бур.

– Ну а кто тут еще может быть?

– Чапай с Чекистом как-то в Городе заночевали. Не рассказывали они тебе?

Да, было такое. Полгода где-то назад, как раз после Взрыва более-менее в себя пришли, мужики подались в Город мародерствовать. Пока туда-сюда, склады разведали, нагрузились – ночь подошла. В темноте обратно ехать стремно, решили остаться. Выбрали дом на окраине, забрались в квартиру на втором этаже, чтобы поспокойнее... И вот за полночь уже Чекист чего-то проснулся, а в окне силуэт черный, голова в капюшоне. Он дернулся за стволом, повернулся – уже никого. Метнулся, выглянул: как этот плащ к ним заглядывал – непонятно, до земли метров пять. Но про это Чекист мельком подумал, потому что внизу на дороге, ровно напротив окна, горел аккуратный костер. А вдоль по улице, и из переулка тоже, медленно подтягивались на свет какие-то слабо светящиеся синим пятна. В общем, мужики тогда по-быстрому ноги сделали, разбираться – кто к ним пожаловал – не стали.

– Но так то ночью! – говорю я Буру. – Хотя мы, если тормозить будем, как раз до темноты досидим.

– Ладно, прикрывай, – соглашается Бур.

– Не, это ты прикрывай, – возражаю я. – Твоя прикрывалка удобнее.

Медленно выхожу из-за угла, и солнце, как по команде, прячется в облака. Площадь тут же тускнеет, будто выключатель повернули. Я человек не мнительный, но как-то зловеще это получилось. Оборачиваюсь на Бура, но он занят: держит крышу.

Площадь чистая, только далеко справа у обочины дороги торчит каркас автобуса и перед домом, к которому мы идем, на стоянке в два ряда закопченные кузова машин.

Без проблем перейдя проспект, я поднимаюсь на тротуар. Перед фонтаном тремя рядами тянутся грядки... точнее, газоны. Между газонами – пешеходные дорожки с лавочками. Перешагиваю через низкие оградки, мельком любуюсь своим отражением в воде. Вот уже и нужный нам дом. Даю отмашку. Успеваю заметить, как Бур выскакивает из-за угла. Беру на прицел крышу. Но отсюда ничего толком не видно – только шпили да решетка по краю.

– Ну чего? – шумно дыша, подбегает Бур.

– Всех положил! – заявляю я.

– Пошли тогда.

Откуда-то из-за домов, со стороны Днепра, доносится протяжный металлический скрежет, словно стон. Синхронно приседаем, водим туда-сюда стволами. Мне становится не по себе: со всех сторон на нас пялятся серые дома с черными провалами окон.

– Там, в порту, пристань постепенно обваливается, – тихо сообщает Бур. – Может, кран какой в воду упал.

– Двинули потихоньку, чего стоять на виду?

Проходим мимо выгоревшей автостоянки. Проплешины жженого металла на кузовах густо покрыты рыжей ржавчиной, но кое-где сохранились следы краски. Среди остовов узнаю благородный силуэт «Порше». Как там у древних: «Sic transit gloria mundi».

За стеклом уцелевшей витрины плакат. Сквозь налет пыли еле видны картинки с какими-то приборами, надписи практически нечитаемы. Внутри магазина темно. Странно, учитывая, что витрины тут во всю стену.

Бур делает мне знак, подходит к двери. Я встаю напротив с «калашом» на изготовку. Напарник дергает одну из створок. Истерично взвизгивают петли, я невольно вжимаю голову в плечи...

Внутри чисто. Включив фонарь, Бур заглядывает в проем. Круг света выхватывает из полумрака стойку перед высоким стендом. На стенде висят то ли паяльники, то ли фены – никогда не понимал всего этого «радиолобительства». Бур заходит, я вижу, как луч быстро мечется справа налево, потом замирает на стене.

– Заходи.

Вхожу. Еле уловимо пахнет гарью. И почему-то тухлятиной. Тварь какая, может быть, где-то тут сдохла.

– От станции «любовь» до станции «разлука»... – тихо напевает Бур.

Зная эту его привычку, спрашиваю:

– Что не так?

– Да вон, смотри...

Фонарь Бура упирается в пол перед уходящим в темноту прилавком. На полу, среди припорошенных пылью битых стекол, расчищен круг, в центре которого высится горка головешек. Включаю свой фонарь, подсвечиваю.

– Костер кто-то жег.

– Во-во. Кто бы? – Голос напарника звучит напряженно.

– Да мало ли... – пытаюсь беспечным тоном разрядить напряжение.

– Не «мало ли»! Никого тут нет. На тыщу верст вокруг – никого, кто способен разжечь костер. Да и кому он может тут понадобиться? Чуешь?

– Может, наши...

Но сам понимаю, что сморозил глупость. Кострище свежее. А из наших никто в Город с месяц, наверное, не ходил. И прав Бур – на много километров вокруг людей нет... Живых людей. Ближайшие – где-то под Минском. Но это из тех, кто на связь вышел. Хотя почему мы так уверены, что все, кто выжил в округе, к нам прибились? Вполне могли остаться какие-то одиночки... И за жратвой в Город они точно так же, как и мы, могут набеги устраивать.

– Не знаю, не знаю... – Бур немного успокаивается, опускает ствол. – За год могли бы уже либо с нами связаться, либо куда уйти. Это если одиночки. А группу мы бы сами давно обнаружили.

– Ну и чего теперь, будем дедукцию разводить? Или, может, домой пойдем?

– Не, Бабай расстроится. Давай по-быстрому – и валим.

Бур вчера пообещал реанимировать армейскую рацию, что у нас на базе без дела пылится. Он в молодости радиodelом увлекался. К тому же сам отсюда, из Города. Знает, где-что-почем. Вот и пошли в магазин за запчастями. Так что теперь Буру отступать западло – тем более из-за какого-то потухшего костра.

Хрустя осколками разбитых стенов, Бур идет к прилавку. Возле кострища останавливается, подхватывает головешку, нюхает. Следопыт! – Я качаю головой, встаю вполоборота к входу. За арками витрин опять вовсю светит солнце, но лучи сюда никак не достают, полумрак стоит – будто на дворе поздний вечер. Я, смахнув пыль, усаживаюсь на край прилавка. Напарник уже с головой погрузился в свой мир: что-то бормочет под нос, наклонившись к шкапам, со скрипом выдвигает ящики, шуршит пакетами... Судя по скорости наполнения его рюкзака, Бур поймал что-то типа «транзисторной лихорадки», или как там это у радиолюбителей называется...

– Ша во второй зал пойду! – радостно шепчет Бур. – Там блоки в сборе должны быть.

Он указывает лучом на поворот, за которым, видимо, находится вход в соседнее помещение. В руке его я вижу связку паяльников и, по-моему, небольшой осциллограф.

– Может, хватит? Не унесешь.

– Что значит «не унесешь»? А ты на что?

Сопровождаемый треском осколков, напарник движется вдоль прилавка, все еще шаря лучом по выдвинутым ящикам. Он не видит, что происходит впереди. А я вижу, но поначалу не могу понять. Мой фонарь светит в спину удаляющемуся Буру: на дальней стене в круге света качается его увеличенный силуэт. Внезапно откуда-то сбоку в свет всплывает еще одна тень, бледная и расплывчатая. Вначале мне кажется, что это облако потревоженной пыли, но когда тень резко густеет и начинает увеличиваться...

– Осторожно! – ору я, все еще не понимая, что происходит.

Бур тоже не понимает, он замирает, судорожно крутит головой – луч его фонаря мечется из стороны в сторону, но вокруг него никого нет!

– На стену смотри! – и, вскинув ствол, команду: – Пригнись!

Но уже поздно. Тень, оформившаяся в что-то наподобие большого гриба, только не с одной, а с множеством тонких ножек, молниеносно выбрасывает один из этих отростков в направлении Бура, ровно к шее. Напарник визгливо вскрикивает, начинает дергаться, по телу его расползаются еле видные фиолетовые молнии... И тут, наконец, я вижу это вживую: многоногий гриб, наливаясь призрачной синевой, начинает проступать в воздухе почти вплотную к Буру.

– Беги, Глок! – голос у напарника сиплый, kloкочущий, полный боли.

Я пытаюсь прицелиться в колышущийся фантом, и в это время в круг света выплывает еще одна туманная тень...

Глава 3

5 октября 1943 года. Ельск

Грязь на главной улице Ельска была такая, что некоторые автомобильные колеи вполне сошли бы за окопы неполного профиля. Сема сбавил ход и принялся выбирать наиболее безопасный фарватер. Видимо, не выбрал, потому что остановил машину и, почесав затылок через пилотку, выжидательно посмотрел на меня. Я пожал плечами.

– Вытаскивать вместе будем, – пригрозил он.

– Ладно, жди здесь. Вон в переулок встань, чтобы проезд не загораживать.

– Проезд! – фыркнул Сема. – Тут танки, наверное, и те не рискнут...

Я вылез из «Виллиса», с брезгливой аккуратностью прошествовал на обочину, где к гнилому плетню жалась относительно проходимая тропинка. Сема с пробуксовкой сдал назад и нырнул за угол.

Город Ельск представлял собой унылое зрелище. Особенно сейчас, когда над застывшей грязевой рекой угрожающе низко зависли тяжелые бугристые тучи. И городом его я бы назвать постеснялся, он на поселок-то еле тянул. Война прошла по Ельску самым краем – разрушенных построек было относительно мало. Но здесь какое-то время стоял наш полк самоходной артиллерии. С тех пор дорог в Ельске не стало. И людей, судя по всему, не стало – во всяком случае, создавалось такое впечатление.

Центральная улица делила город ровно пополам. С двух сторон тянулись однотипные одноэтажные здания – приземистые, основательные, с черепичными крышами, густо присыпанными листвой. Дома были старые и, казалось, насквозь пропитанные дождем: блеклые желтые стены темнели пятнами сырости, штукатурка местами отвалилась, обнажив кирпичную кладку – будто раны краснели на теле. Окна, заклеенные изнутри или закрытые фанерой, слепло пялились на улицу из-под массивных выпуклых арок. Перед каждым домом имелся палисадник – деревья своей веселой осенней раскраской хоть как-то притупляли ощущение безысходности, нависшее над улицей.

Судя по всему, мне нужен был вон тот дом, третий с правой стороны. Перед входом нависал массивный козырек, опирающийся на две толстые кирпичные колонны. Именно по этому опознавательному знаку я должен был узнать Ельскую городскую больницу.

Шагая с максимальной осторожностью – и все-таки нещадно пачкая сапоги в жирной грязи, – двинулся вдоль палисадников к цели. В очередной раз подняв голову, заметил, что под козырьком, внимательно наблюдая за мной, стоит и курит какой-то человек в широком покрытом разводами плаще. Когда я подошел поближе, выяснилось, что это вовсе не разводы, а маскировочный рисунок, я о таком слышал, но видеть вживую еще не приходилось. Надо сказать, камуфляж прекрасно смотрелся на фоне припорошенного листьями крыльца. А означало это только одно – человек в защитном плаще и есть тот самый лейтенант Андреев, которому было предписано встретиться со мной у Ельской больницы в десять утра.

Я подошел и смог рассмотреть Андреева подробнее. Невысокого роста, широкоплечий, с прямой щеткой черных усов, фуражка чуть сдвинута набок, из-под козырька лезет казацкий чуб, смотрит цепко, внимательно, но в то же время как-то озорно. Хорошее было лицо у лейтенанта Андреева – открытое, светлое, и морщинки в углах глаз свидетельствовали о наличии чувства юмора. А вот совершенно чистые хромовые сапоги могли означать, что он, в отличие от меня, пришел к больнице не пешком.

– Ну и кто это такой смелый, что сюда доехал? – спросил я. – Или вы на лодке приплыли?

– С обратной стороны вполне сносная улица. – Лейтенант Андреев ткнул пальцем за спину. Плащ распахнулся, и на поясе разведчика блеснула лаком рыжая немецкая кобура. «Я дам вам «парабеллум» – всплыла в уме фраза.

Поздоровались, представились. Я предложил Андрееву папиросу, он предложил перейти на «ты». Звали его Владимир, что, собственно, мне и так было известно. Рукопожатие у Андреева было крепкое, при этом какое-то стремительное. А сама рука – широкая, как весло, с далеко отставленным большим пальцем, с жесткими бурами мозолей – свидетельствовала о недюжинной силе. Знавал я такие руки и видел, на что способны их владельцы.

– Зачем я комендатуре понадобился? – с ходу спросил Андреев, взглянув на меня поверх дымящейся папиросы.

Вопрос был задан легким тоном, но взгляд серьезный, колкий.

– Надо одного человека опознать.

– Он в больнице? – Лейтенант мотнул головой в сторону двери.

– Почти, – ответил я уклончиво, но, спохватившись, пояснил: – В морге.

– Понял, – кивнул Андреев. – А почему я?

– Твое имя было в его записной книжке. Других документов нет.

– Откуда тело?

– Нашли у речки. В списках не значится.

– Ну пойдем посмотрим на неучтенный труп, – согласился Андреев.

Была в его словах какая-то ирония, и неоткуда бы ей вроде взяться, ничего такого я ему не сказал...

Вчера с шефом долго думали, как представить всю ситуацию Андрееву, какую легенду запустить. Но так ничего и не придумали: мои мысли постоянно скатывались к неизвестно как появившейся надписи на бедре, а шеф явно был не в ударе. В результате порешили просто показать лейтенанту труп, а дальше мне предстояло действовать по обстоятельствам. В конце концов, может быть, это не тот лейтенант Андреев, а возможно даже, нам нужен вовсе не Андреев, а Андрейченко или какой-нибудь Андрекидзе. А если это имя – тогда вообще дохлый номер.

Я сделал шаг к двери, но лейтенант дернул меня за рукав.

– Тут закрыто. Вход с обратной стороны.

И, махнув рукой, прыгнул с крыльца. Я двинулся следом, рассматривая затянутую в камуфляж спину. Внизу на плаще имелись свежие капли грязи. А сапоги чистые. Не его плащ? Или зачем-то передел сапоги? Шеф часто повторял, что хороший следователь умеет балансировать на грани между подозрительностью и паранойей. Научиться бы только определять, где находится эта грань.

За домом открылся обширный сад, хотя, наверное, правильнее было назвать его небольшим парком. Имелась даже обсаженная пестрыми кленами аллея, ведущая от заднего выхода в глубину заросшего участка. Возле крыльца, под развесистым дубом, располагалась почерневшая от времени деревянная лавочка, чуть дальше, у дальнего угла дома, торчала разбитая Flak 30, немецкая зенитная пушка – гнутый ствол понуро обвисал к земле. Между деревьями, в ворохах палой листвы, просматривались длинные прямоугольные холмики – видимо, грядки. Тихо тут было и совсем по-мирному спокойно: захотелось посидеть на лавочке и покурить, рассматривая осень. Но Андреев уже подходил к обшарпанной двухстворчатой двери.

Почти на ощупь пробравшись через темный тамбур, поднялись по короткой лестнице и оказались в просторном холле. До половины покрашенные белой краской окна давали специфический свет – какой-то болезненный, чахлый. Дальняя дверь, обтянутая мешковиной, по-видимому, вела как раз на парадное крыльцо. В левой стене тоже имелось несколько дверей. Справа в пропахшую карболкой темноту уводил узкий коридор.

– Доктор! – крикнул Андреев.

Голос его гулко разлетелся по пустому помещению, эхом отразился от покрытого трещинами потолка и затих.

– Вообще тут кто-то есть? – подал я реплику.

– Был дед какой-то, когда я заходил.

Открылась одна из дверей, высунулась бородастая старческая физиономия в очках без оправы, потом показался перетянутый крест-накрест пуховым платком торс.

– Нашел своего, что ли? – спросил старик Андреева.

– Как видите, – согласился тот, кивнув на меня.

– А вам чего нужно, молодой человек? – переключился на меня старик.

– В морг мне нужно.

– Не торопитесь.

– Дед, не остри. Я от полковника Мощина. Где Степанов?

Степанов оказался высоким худым мужиком лет тридцати, зябко кутающимся в морской бушлат. У него была очень странная форма черепа – затылок как будто приплюснут или вмят от удара чем-то плоским, отчего голова выглядела как обточенный с одной стороны брусок. Вообще персонаж был колоритный, про такого «особых примет нет» не скажешь: тут и хрящеватый, выпирающий клювом нос, и широкий рот с тонкими, капризно изогнутыми губами, и остро торчащий кадык. Можно, конечно, бороду отрастить – есть такие лица, которые борода меняет до неузнаваемости... Но да ладно, пока я об этом размышлял, мы уже спустились по затхлой лестнице в подвал, и Степанов, подсвечивая себе зажигалкой, подвел нас к низкой, обитой серой жестью двери.

– В морге-то хоть свет есть? – пробурчал сбоку Андреев.

– Откуда бы ему взяться? – ехидно поинтересовался доктор. – Думаете, немцы нам генератор пожертвовали?

Голос у него был сиплый, но при этом тонкий, почти мальчишеский. Как выяснилось, был этот Степанов вовсе не прозектором, а вполне себе главврачом Ельской больницы. Но, учитывая, что помимо него, в заведении из персонала имелся только сторож, приходилось доктору работать по принципу «один за всех».

Из темноты открывшейся двери пахло холодом и смрадом разложения. Степанов не колеблясь шагнул в темный проем, а вот я, признаюсь, помедлил.

– В темной, темной комнате... – прошипел сзади лейтенант Андреев.

Отсветы степановской зажигалки еле-еле разгоняли вонючий мрак, поэтому я вытащил спички. Сзади вспыхнул еще один источник света – лейтенант тоже зажег огонь.

Посреди комнаты стоял массивный стол, на нем белело накрытое простыней тело – вот и все, что я смог разглядеть в этом адовом освещении. А между тем мне нужно будет смотреть за реакцией Андреева: узнал или не узнал? Ну и как тут смотреть? Степанов между тем пошарился в полумраке и запалил какую-то хитрую лампу над столом, от которой вдруг стало вполне светло: лампа оказалась с большим, похожим на китайскую шляпу отражателем и аж с тремя фитилями. Потом доктор откинул простыню с лица трупa и выжидательно повернулся к нам.

Морг был маленький, примерно четыре на четыре метра. В углу стоял белый медицинский шкаф. Что-то типа нар возле дальней стены. И стул. По углам было совсем темно, но главное – тело было видно очень хорошо. Плотный мужчина, лет, примерно... молодой совсем, вряд ли больше двадцати пяти, короткий ежик русых волос, прямой нос, маленький рот. Я метнулся взглядом к Андрееву, но он равнодушно рассматривал труп, хотя, возможно, уже успел справиться с эмоциями. Никаких условий для работы! К тому же воняет просто невыносимо.

Я подошел ближе, отдернул простыню дальше. Круглая сквозная дыра возле правого соска. Видно было, что края срезаны идеально ровно, даже непонятно: входное или выходное отверстие. Андреев обошел стол, чтобы рассмотреть лицо трупa в привычном ракурсе.

Грустно вздохнул. Или просто вздохнул? Лампа светила таким образом, что выше груди лейтенант попадал в тень отражателя.

– Любишь украшения, доктор? – внезапно произнес Андреев.

– Не понял? – удивился Степанов.

Я, если честно, тоже не понял. Пригнул голову, пытаюсь заглянуть под лампу. Но разведчик молниеносно подскочил к доктору. Именно что молниеносно: я заметил только смазанное движение – и вот он уже одной рукой ухватил Степанова за волосы на плоском затылке, а другой тычет ему в глаз лезвием весело поблескивающей финки. Нож, зажатый в его огромном кулаке, выглядел изящной игрушкой.

– Вы... вы чего? – испуганно прошипел Степанов.

– Э-э... – протянул я, не сообразив еще, как реагировать.

– Стой и молчи! – одернул меня Андреев.

И я замер на месте, хотя происходящее вызывало массу вопросов.

– Где амулет, что был у него на шее? – жестко спросил Андреев.

– Как-кой амулет? – Степанов вяло пытался вырваться, все его внимание было сосредоточено на острие ножа в сантиметре от зрачка.

– Амулет, камень, медальон, – пояснил Андреев. – Кристалл на цепочке, одна сторона прозрачная, другая черная. Был у него на шее. Если сейчас не вспомнишь, выколю глаз. Потом будет вторая попытка. Когда глаза закончатся, перейдем к яйцам. Понял?

– Что вам надо? – В голосе Степанова послышались слезы.

– Амулет, – терпеливо повторил Андреев.

– Он у меня тут, в кармане.

– Во-от, молодец, – похвалил лейтенант. – Доставай, чего стесняешься!

Андреев отпустил доктора, и тот быстро отскочил от опасного разведчика. Полез под бушлат, достал что-то искристое, на серебристой цепочке, переложил в протянутую горсть.

– Свободен! – скомандовал лейтенант.

Степанов быстро выскочил за дверь, а Андреев вернулся к труп. Приподнял его голову, надел цепочку на шею, выровнял на груди поблескивающий гранями черно-белый кристалл.

– Леша, блокнот, карандаш есть?

– Так точно, – встрепенулся я.

– Давай.

Дальнейшее выглядело странно. Приняв затребованные предметы, Андреев сдернул простыню еще ниже, кое-как вложил в пальцы правой руки трупа карандаш и, перелистнув на чистую страницу, подложил под этот карандаш блокнот. И тут я заметил на бедре, как раз возле восковой, белой до синевы руки, коричневые мазки засохшей крови – ту самую надпись, с которой все началось. Надо отметить: почерк был действительно похож на тот, что имелся в дневнике непонятого фельдфебеля.

– Глок! – громко позвал Андреев, наклонившись к лицу мертвеца. – Глок, слышишь меня?

Хоть это было и глупо, я вслед за лейтенантом внимательно уставился на труп, будто бы и впрямь ожидая, что сейчас эти синие губы дрогнут... Поэтому не сразу сообразил, откуда донесся тихий шорох. А донесся он от блокнота, на котором мертвая рука, уже не безвольно, а довольно-таки уверенно державшая карандаш, успела вывести слово «Да».

Твою мать! Я это то ли подумал, то ли выкрикнул. Страх судорогой прошелся по телу. Это был бы ужас, но сознание уцепилось за спасительную мысль: происходящее – просто фокус. Сейчас Андреев ухмыльнется и продемонстрирует какое-то хитрое приспособление... Я готов был его об этом умолять.

– Спокойно! – коротко взглянув в мою сторону, приказал лейтенант.

И как-то сразу отпустило. То ли уверенный тон Андреева так подействовал, то ли в мозгу перегорел какой-то предохранитель... Откровенно говоря, если отбросить страх, все происходящее было чертовски интересно.

– Глок, они здесь? – спросил Андреев труп.

Рука дернулась и снова вывела «Да».

– Глок, знаешь, сколько?

«Нет», – со скрипом медленно вывел грифель.

– Глок, где ты их нашел?

«Черноб» – надпись появлялась медленно: мизинец цеплялся за край блокнота и мешал мертвецу писать, отчего буквы выходили сильно наклоненными влево.

– Ага, – невесело хмыкнул Андреев, – кто бы сомневался. Глок, ориентиры?

Карандаш не двигался.

– Давай, друг, напрягись! Глок, как их найти? – прошептал Андреев, склонившись к самому лицу трупа.

Было в этом что-то противоестественное: живое человеческое лицо, переполненное эмоциями, и почти впритык – гладкая, бесстрастная маска смерти. И когда труп распахнул глаза, я чуть не вскрикнул. Но снова сдержался, только шумно выдохнул. Раздался стук – это карандаш скатился на пол. Мертвая рука неподвижно лежала на блокноте, странно растопырив пальцы.

– Ну вот и все, – медленно разогнувшись, сказал Андреев. – Доброй дороги, Глок. Извини, что так... Пошли, Леха.

Он провел ладонью по глазам трупа, снял с него цепочку с кристаллом, накрыл тело простыней и, забрав блокнот, вышел. Нужно было, наверное, погасить лампу над столом, но приказа такого не поступало. Я поспешил следом за Андреевым.

На улице уселись на лавочку под сенью дуба. Стояла тишина, только медленно сыпались листья по всему парку. Выяснилось, что в расстановке деревьев просматривалась определенная логика: кленовая аллея уводила влево и дальше шла симметрично забору, точно такой же забор справа был оформлен шеренгой рябин. По центру участка, меж грядок, в шахматном порядке высились разлапистые яблони.

Тучи поредели, свет поменял тональность, стал более теплым. Да и вообще – потеплело. Хотя, быть может, это так казалось после стылой атмосферы морга. Андреев закурил, я последовал его примеру.

– Сука этот Виталий Александрович, – сказал лейтенант зло.

– Кто?

– Да доктор этот, Степанов. Хотя что с него взять...

– А что это за амулет?

– Это тебе знать не надо, – ответил Андреев.

Не надо так не надо – я пожал плечами. Даже и неинтересно, это я просто для поддержания разговора спросил, если уж на то пошло. А лейтенант продолжал молча курить, и дым застревал в его широких густых усах. На рукав камуфляжного плаща опустился дубовый лист, и я в очередной раз отметил, как удачно подобран маскировочный рисунок.

– Слушай, Владимир, где ты этот плащ урвал?

– Тоже хочешь? – хмуро спросил Андреев.

– Факт!

– Нет ничего проще. У фрицев на той стороне реки таких много. Спроси, может, поделится.

– А ты чего так увял-то? – поинтересовался я, чтобы скрыть обиду.

Андреев покосился на меня, а потом какое-то время молча курил, глядя вверх деревьев – туда, где, плавно забирая влево, уходила за горизонт большая стая ворон. Я заметил, как на

его щеке, под кожей, отливающей синевой проступившей щетины, пульсирует, перекатываясь, желвак мышцы. Думал, не ответит, но нет:

– Глок, который там на столе лежит... ему лет, наверное, меньше, чем тебе. А мы, Леша, с ним в такой жопе успели побывать, что вам, несмотря на всю эту «Великую Отечественную», и не снилось. И если бы не он... А теперь он в вонючем подвале со сквозной дыркой. А я здесь. И даже попрощаться по-человечески не получится. Потому что не умеем. Понял?

– Понял.

– Да ни хрена ты не понял! – Андреев в сердцах выбросил окурок. – Ладно, свернули тему. Давай-ка лучше о тебе. Кто такой?

– Лейтенант Зуев Алексей Семенович, спецгруппа Отдела контрразведки Смерш Наркомата внутренних дел, – отрапортовал я.

Кольнула неловкость – ведь при знакомстве представился совсем по-другому. Но Андреев, к счастью, не стал заострять внимание на моей нечестности.

– Почему меня дернули?

– За что дернули? – не понял я.

– Ну как меня нашли? Как узнали, что я связан с Глоком?

– Дык это... у него же на бедре твоя фамилия написана.

– А... – Андреев снова поиграл желваками. – Ну да, дело прежде всего. Учись, контрразведка!

– Есть.

– Да отставить уже! – сморщился лейтенант. – Почему Смерш этим делом заинтересовался? Вообще – какая у тебя задача?

– Мы ловим сектантов, – похвалился я.

– Чего? – Андреев удивленно расширил глаза. – Смерш ловит сектантов? А кражи вы не расследуете?

– Расследуем, – покивал я. – Мы из оперативного отдела МУРа, переведены в Смерш буквально месяц назад, когда выяснилось, что мясники опять взялись за свое.

– Мясники? – Андреев вопросительно поднял бровь.

– Так у нас зовется банда, что еще до войны в этом районе орудовала.

– Докладывай по порядку.

– Слушаюсь, – козырнул я и приступил к рапорту: – Весной сорок первого года в районе Чернобыля началась прокладка ветки Чернигов – Овруч Юго-Западной железной дороги. Во время строительства станции «Янов» бригада рабочих в количестве 12 человек подверглась нападению неустановленных лиц. Численность нападавших тоже установить не удалось. И, это...

Тут я сбился, потому что рассказать официальным слогом, что собой представляли трупы железнодорожных рабочих, было довольно сложно. Как там было в протоколе осмотра – «множественные укушенные раны»... Но тут Андреев неожиданно мне помог:

– Представляю, как вы были озадачены. Тела обглоданы, и, судя по следам зубов, обглоданы людьми, так?

– Экспертиза установила, что следы укусов – от человеческих челюстей.

– Не от человеческих, – покачал головой Андреев. – Они не люди совсем. А высосанных досуха не было?

– Никак нет!

Про себя отметил: что-то старший оперуполномоченный Зуев совсем «осолдафонился», явно стал злоупотреблять уставными оборотами. Шеф, услышь он меня сейчас, порадовался бы – как нас в армию перевели, он только этого и требует. Но мне лично никогда уставная «казенщина» не нравилась. Видимо, сейчас все дело в том, что я чувствую себя обязанным

четко отвечать на вопросы лейтенанта Андреева. Пусть информация и секретная – но я не имею права ничего от него скрывать.

– И как, поймали вы этих «сектантов»? – с явным интересом спросил Андреев.

– Нет. Установили только, что их было не менее пяти человек. Убийства, вероятно, носили ритуальный характер. Странная обувь... Один был босиком. Судя по следам, почти двухметрового роста. Ну и вообще... Но толком поработать не успели – война началась.

– А как фронт досюда дошел, продолжили как ни в чем не бывало? Молодцы! – Андреев мотнул головой. – Хорошо работает уголовный розыск при товарище Сталине!

– За двадцать семь дней, что 1078-й полк держит позиции вдоль реки Припять без вести пропало шестеро бойцов. Недавно было найдено тело седьмого – ефрейтора Святошина. Труп обглодан до костей. Значит, эти нелюди снова здесь.

И я устался на Андреева, приготовившись наслаждаться произведенным эффектом. Но эффекта не было. Лейтенант смотрел на меня вроде бы даже жалостливо. Потом достал еще одну папиросу, прикурил.

– Нелюди – это ты правильно сказал, – согласился он.

И снова задумался, поглаживая пальцем усы. Я тоже достал папиросу, последнюю, между прочим, закурил. Если надо – посидим, помолчим, покурим. Это у меня папиросы закончились, а у Андреева, как я заметил, еще больше чем полпачки в наличии. С таким запасом полдня молчать можно.

– С весны сорок первого, значит? – задумчиво протянул Андреев, разглядывая сад. – Мы-то думали, что это только фрицы ее расшевелили. А оно вишь как... А что ваши рабочие на Янове делали?

Я спохватился не сразу – думал, что очередной риторический вопрос. Но Андреев пристально смотрел на меня – значит, адресован мне.

– Что делали? – Я наморщил лоб. – Да ничего... Строили.

– Пути клали?

– Не только. Там планировался крупный железнодорожный узел, поселок городского типа.

– Растревожили, значит, – покивал Андреев. – Сектанты... Фашисты вон тоже про демонов что-то лепечут. Только они совсем идиоты, чесноком пытаются упырей отпугнуть.

– Кого?

– Сектантов твоих!

Андреев внезапно поднялся. Я вскочил следом, ожидая дальнейших указаний. Лейтенант одернул свой камуфляжный плащ, поправил фуражку, огляделся.

– В общем, так, – быстро сказал он. – Наш разговор ты забыл, понял?

– Есть!

– Не перебивай. А дело было так: встретились, ты показал мне труп, я его не узнал. И разошлись. Понял?

– Есть! – сам себе удивляясь, снова выкрикнул я.

– И вот этот момент ты тоже забудешь.

С этими словами Андреев сунул руку в карман моего плаща и вытащил крупный зеленоватый камень или кусок стекла, формой похожий на пробку от водочного графина. Подбросил стекляшку на своей широченной мозолистой ладони, поймал и, развернувшись, пошел в глубину сада.

Глава 4

7 сентября 2016 года. Чернобыль

Я не сплю, просто лежу, разглядывая подвешенные в сетках под потолком артефакты: шары испускают мягкий желтоватый свет, создавая ощущение покоя и домашнего уюта. Прекрасно осознаю, что это всего лишь наведенный эффект: ну какой «уют» может быть в бетонной комнате без окон, с рядами двухэтажных нар, жестяными коробами воздуховодов под потолком и кафельным полом? А с другой стороны, какая разница – по-настоящему или нет: артефакты для этого сюда и повесили, чтобы успокаивали и дарили ощущение уюта. Так что *mundus vult decipi, ergo decipiatur*¹.

Вообще-то говоря – странно. Три года по Зоне лазил до Взрыва. И ни разу по дому не скучал. Плевать как-то было, даже нравилось вот так кочевать от схрона к схрону. А теперь, как лишился этого ненужного, – вдруг тоска...

Когда сквозь сопения и даже откровенный храп по казарме пролетает металлический звон – я вздрагиваю, встаю на локте.

С моего «второго этажа» прекрасно видно его фигуру. Он методично нагибается и разгибается, будто делает зарядку. Я догадываюсь – это он одевается. Мимолетом удивляюсь: куда собрался? До туалета бежать недалеко, одеваться ни к чему. Дежурные меняются только утром... Но – мало ли кому куда надо? У нас свободное подземелье, как говорит Чапай.

И вот свободный человек свободного подземелья выходит в проход. Я узнаю его по чудной прическе: бритые виски, плоский ежик волос, голова выглядит квадратной. Тихон, из приبلудных.

Их, приبلудных, за год, прошедший с момента Взрыва, набралось уже человек тридцать. Кто сам пришел, кого подцепили ребята в рейдах. И мужчины, и женщины. Как выжили на Большой земле – непонятно. Если уж в Зоне не все уцелели – а наши-то, предчувствуя выброс, попрятались со всей основательностью, – что говорить о тех, кто за периметром? Но выжили.

Он выходит в проход и надолго застывает. Кафель на полу – самое светлое пятно во всей казарме, не считая горящих артефактов, и на фоне этого кафеля его фигура напоминает силуэт, вырезанный из бумаги и помещенный в рамку.

Не знаю почему, но чувствую беспокойство. Он стоит прямо, не двигаясь. Это странно. Минута, две. Может быть, прислушивается? Казарма спит, ворочаясь, поскрипывая пружинами. К чему тут прислушиваться? Но вот Тихон отчетливо кивает, видимо, своим мыслям и, повернувшись, медленно идет по проходу, монотонно переводя взгляд слева направо.

Он равняется с моей «этажеркой», замечает, что я за ним наблюдаю, улыбается с вежливым равнодушием. А через три кровати внезапно останавливается, и я слышу что-то типа обрадованного «о!». Быстро нырнув в проход между нарами, Тихон наклоняется над спящим и, выхватив пистолет, стреляет ему в лицо...

Мы сидим в столовой. Эта двухэтажная коробка – единственное здание на поверхности бывшей военной базы, не считая полуразрушенного металлического ангара. Вместо стекол в окнах – листы оргстекла, кое-как скрепленные, заходящие одно на другое. Свет мутный, как будто в воздухе туман.

¹ Мир ищет лжи, так пусть его обманывают (лат.).

За стойкой, отгораживающей кухню от обеденного зала, расположилось руководство. Бабай, командир, хмуро перебирает окладистую бороду. Обух курит, разглядывая что-то под ногами. Тракторист изучает «зрительный зал».

Я только что рассказал, чему был свидетелем. Ответил на вопросы. Чувствую себя немного смущенным – выступать перед большой аудиторией (а в столовой собралось под сотню человек) непривычно. Кашляю, оборачиваюсь на Бабая.

– Спасибо, Глок, садись. Хирург, что скажешь?

Хирург выходит к стойке, недовольно оглядывает зал. Немолодой худой мужик с глубокими залысинами на лбу, с сухим, морщинистым лицом. Я не люблю Хирурга, потому что он лишен чувства юмора и представления об элементарной вежливости. Но специалист классный, этого не отнять.

– Он не человек, – не глядя ни на кого, отрывисто заявляет Хирург. – Это тварь. Пристрелить.

Собрание вскипает, все пытаются высказаться. Бабай с трудом добивается тишины.

– Поясни, Хирург, – предлагает он раздраженно.

– Что пояснять? – Доктор кривит тонкие губы. – Тварь не обладает ни человеческим интеллектом, ни человеческими эмоциями.

– А куда ж у него интеллект делся? – орет из глубины зала Захар Петрович.

Этот толстый старик жил с Тихоном в одной деревне. Он выступал как раз передо мной, рассказывал «факты биографии» обвиняемого: родился, учился, работал машинистом в пригородном депо... Давил на то, что у Тихона к убитому Бармалею имелись личные счеты. Не убедил. Бармалей был уважаемым бродягой, никаких косяков за ним ни разу не водилось. Я сам прекрасно его знал, пару раз в рейды ходили – мировой мужик.

– Куда интеллект делся? – переспрашивает Хирург. – Не знаю. Иди поищи. Может, под кровать закатился.

– погоди. – Бабай снова тербит бороду. – Давай-ка озвучь диагноз.

– Нет диагноза. Я не психиатр. Есть факты.

– Давай факты.

– Извольте. Не говорит, не реагирует на раздражители, боли не чувствует. Биологические показатели в норме. Сидит спокойно. Показал ему пистолет. Быстро схватил и попытался куда-то пойти. Можем провести эксперимент – выяснить куда. Точнее, к кому.

Собрание снова шумит, среди общего гвалта слышатся нелестные эпитеты и пожелания в адрес Хирурга...

Все это происходило неделю назад. Спустя два дня был убит Элвис. Молодой парень, окрещенный за характерную прическу и пристрастие к игре на гитаре. Именно благодаря гитаре, ну еще и довольно приятному баритону, он, сам приبلудный, очень быстро заарканил себе одну из таких же приبلудных девушек. «Девушками», понятное дело, они назывались больше в силу традиций. Но, как говорится, «за неимением горничной барин пользовал дворника».

«Семейные» у нас живут отдельно. Ввиду того, что военная база не располагает большим количеством двухместных номеров, молодожены сами устраивают себе любовные гнездышки из подручных стройматериалов.

Когда в закутке Элвиса грохнул выстрел, поначалу никто ничего не понял. Потом, разобравшись, столпились возле перегородки. Кричали-стучали. Выбили засов. Элвис валялся на полу с дыркой во лбу. Женщина сидела рядом на железном стуле. Посмотрела на нас весьма приветливо, но вдруг, заметив в толпе кого-то, оживилась...

По ночам теперь очень тихо. Никто не храпит, не поворачивается. Я это точно знаю, потому что с некоторых пор сплю очень чутко. Замечаю, что почти все наши держат оружие под рукой. Негласный договор: ночью с кровати не вставать – могут пристрелить. Хирург, сво-

лочь, подлил масла в огонь: никаких симптомов, говорит, никаких видимых проявлений, что-то вроде одержимости; и скорее всего это будет продолжаться.

Вчера ночью тоже было тихо. А утром со стороны женского зала прилетел визг...

Она сидела на кровати, сложив руки на коленях. Имени не знаю – в силу возраста мужиков она не интересуется. Знаю, что работает в столовой посудомойкой. С удивлением отметил: одета она в настоящую ночную рубашку, белую в синий цветочек. Ее жертва накрыта с головой казенным солдатским одеялом, под кроватью уже натекла большая черная лужа. Нож, тщательно вытертый, аккуратно лежит на тумбочке.

И снова зал столовой. На улице погожий день, это заметно даже сквозь мутную грязь стекол. Народ молчит. Ждут решения: совет заседал около часа, только что вернулись снизу.

Бабай суров. Таким я его давненько не видел. Пожалуй, с тех пор, как тварей из подвалов базы выкуривали. Он встает перед стойкой, и я чувствую, что сейчас будет нехорошо.

– Все приبلудные теперь ночуют отдельно, – говорит Бабай и проводит по бороде широкой ладонью.

И что в этом такого? Потом понимаю: это они их изолировать хотят. Скорее всего, на втором подземном, где бывший склад. Бабай тут же подтверждает мою мысль: да, именно там. Мы сами раньше на складе ночевали, пока по-человечески казарму не обустроили. А сейчас склад выбран потому, что дверь крепкая и запирается снаружи.

Наши молчат. Приبلудные поначалу тоже. Но вот и до них доходит. Разгорается протест. На поддержку Бабаю выскакивает Обух: несогласные могут идти на все четыре стороны, никто их здесь не держит. Мы больше не хотим рисковать – а статистика показывает, что одержимостью страдают только пришлые. Пока, во всяком случае.

Я слушаю пререкания Обуха с народом вполуха – наблюдаю за Бабаем. Он отошел назад, присел на стойку, смотрит. Я знаю, на кого он смотрит. Ее зовут Шапокляк, очень она похожа на ту самую тетку из мультика: длинный нос, тонкие ручки-ножки. Но «ножки-ручки» были полгода назад, когда она только у нас появилась. Сейчас худоба вполне в пределах нормы, и уже заметно выпирает живот – Шапокляк на пятом месяце беременности. На самом деле ее зовут Света, и она жена Бабая.

Я выискиваю ее в бунтующем зале. Это несложно, Шапокляк сидит в первом ряду. Молчит, замерла – таким же долгим взглядом смотрит на мужа. Шапокляк всем нравится, потому что веселая и добрая. И Бабай всем нравится, потому что суровый, но справедливый. Повезло нам с командиром. И я знаю, что командир не сделает исключения даже для своей жены. Гвалт постепенно затихает, кое-кто из приبلудных все еще не может успокоиться, но большинство признало справедливость меры.

– Можете взять оружие, – говорит тем временем Обух. – Но, сами понимаете... Есть другое предложение. Каждую ночь с вами будет дежурить пара наших бойцов.

Бабай смотрит на жену. Шапокляк смотрит на мужа. Тяжелый взгляд у Бабая, тоскливый, но при этом спокойный. Я смотрю то на него, то на нее и понимаю, что ни за что и никогда не пойду на это дежурство...

Точно таким же спокойным взглядом смотрит Бабай на труп Шапокляк, вынесенный в коридор. Из темноты открытой двери склада тянет застоявшимся теплым воздухом. В коридоре светло от набежавших фонарей. Она лежит у стены, пижамная куртка в трех местах пропитана, мокрая от крови материя плотно прилипла к телу, рельефно выделив все округлости. Лицо спокойное, в открытых глазах масляно играют отблески. Все молчат.

– Обух! – говорит Бабай.

– Да, командир.

Бабай стоит напротив тела, задумчиво наклонив голову. Он полностью одет – это значит, что ночью так и не ложился. Чего-то ждал? Или подозревал?

– Нужно закончить с фильтрами для воды. Это сейчас самое главное. Понял?

– Понял. – В голосе Обуха слышится удивление.

Бабай кивает, потом достает свой знаменитый наградной наган и сует дуло в рот. Я еле успеваю зажмуриться.

Глава 5

7 октября 1943 года. Штаб 1078-го стрелкового полка

В землянке воняло прогоревшей соляжкой, которую нам нагло выдавали под видом керосина. Лампа от нее нещадно коптила, и стекло, хоть Сема и чистил его только утром, уже опять покрылось черными разводами. По этой причине светила «летучая мышь» весьма вяло, читать при таком свете было решительно невозможно. Зато очень хорошо получалось лежать на раскладушке, закинув руки за голову, и рассматривать бревенчатый, поблескивающий смоляными каплями потолок.

Был тот спокойный период, когда горячо любимый товарищ полковник, он же шеф, переставал фонтанировать заданиями и распоряжениями. Даже деятельный мозг светила сыскной науки требовал передышки – и передышка эта наступала, как правило, к ночи. Поэтому полчаса-час перед отбоем в нашей землянке были самым благословенным временем.

К слову сказать, землянка на поверку оказалась не такой уж просторной, как показалось вначале. Когда я расположил свое койко-место в «общем зале», по соседству с ординарцем Семой, выяснилось, что пространство заметно сократилось. А как прибыл еще один дармоед, сержант Минаев, и угнезвился по правую руку от меня – в подземелье стало буквально не протолкнуться, будто в утреннем трамвае. Понятное дело, высший комсостав, совершенно по-жлобски квартирующий в углу за перегородкой, этих неудобств не ощутил. С другой стороны, если вспомнить, какой подвал нам выделили, когда группа только прибыла под Ельск, землянка начинала казаться дворцом.

– Товарищ лейтенант, – не глядя на меня, спросил Минаев. – А вы точно видели, что его рука двигалась?

Сержант, сидя на раскладушке в майке и кальсонах, с присущей ему медлительной обстоятельностью пришивал новый подворотничок. Маленький, плотненький, с круглым лицом, аккуратно зачесанной набок короткой русой челкой – и внешностью, и чрезмерной аккуратностью напоминал он мне пионера со школьных плакатов.

– Нет, Сан Саныч, – серьезно ответил я. – Просто перед визитом в морг я для храбрости выпил полную фляжку боевых «сто граммов». Так что у трупа не только рука двигалась, он еще со мной хором «Синий платочек» пел.

– Я, если б увидел, как мертвяк зашевелился, сразу бы в штаны наложил! – честно сообщил Сема от своей «кухонной стойки».

Шеф, работающий за столом с бумагами, недовольно крякнул. У него там стояла еще одна лампа, и она почему-то не коптила. Наверное, полковникам все-таки выдают настоящий керосин. Он, понятное дело, в этом не признается. От тех, кто спит, отгораживаясь от коллектива перегородкой, всего можно ожидать, даже сокрытия от подчиненных чистого керосина.

– Странная история, – со значением сказал Сан Саныч.

Да что ты говоришь! А сам-то много тут чего раскопал, пока я в госпитале валялся? Элементарную задачу поставили: притащить к нам кого-нибудь с той стороны, желательно из тех, кто возле Янова живет. Неделью у разведчиков проторчал – так никого и не добыли. Понятно, почему шеф так ждал моего возвращения. С этим аккуратным недоумком дела не сделаешь. Минаев положил гимнастерку на тумбочку и повернулся ко мне.

Роль прикроватных тумбочек у нас выполняли ящики из-под ленд-лизовой тушенки. Это Сема подсуетился, урвал у поваров. Борта ящиков щедро покрыты надписями. Из-за этих надписей у нас с Сан Санычем давеча разгорелся спор: как правильно пишется слово

«тушенка». Американцы написали через «о». Минаев утверждает, что должно быть через «е». Я долго втолковывал болвану, чем отличается неграмотный пень от здравомыслящего человека, но безрезультатно. Потом Минаев приволок с кухни пустую банку из-под «свинины тушеной». Пришлось как-то выкручиваться, объяснять, что это совсем разные случаи. Спорили, кстати, на щелобан. Ладно, авось забудется.

– Я считаю, что товарищ полковник прав, – спокойно и веско заявил Минаев. – Скорее всего, товарищ Зуев подвергся гипнотическому внушению.

– Жаль, ты этого лейтенанта Андреева не поймал, – притворно вздохнул я. – Он бы тебе подтвердил мои слова. Ну и вообще... пригодился бы.

Минаев насупился и снова занялся гимнастеркой. После того как я вернулся из Ельска, шеф по-быстрому выслал за Андреевым группу во главе с Сан Санычем. И Минаев умудрился упустить командира разведроты: прямо у них на глазах Андреев рванул в лес и был таков. Так что – у кого-то трупы рукой шевелят, а у кого живые ногами так перебирают, что угнаться невозможно.

Отшив Минаева, я снова принялся разглядывать потолок. О чем-то я таком интересном размышлял... А, точно! Дневник этот. Судя по всему, тот мертвый, которого Андреев называл «Глок», хотел стать писателем. В дневнике содержалась фантастическая повесть, причем весьма интересная: начав читать по необходимости, я невольно заинтересовался. Но дело сейчас не в этом. Дело совсем в другом: в дневнике Глока был выдран последний лист. Неаккуратно так выдран, будто бы в спешке, или от нервов рука дрогнула. И вроде не было у меня особых резонов так считать, но почему-то казалось, что этот лист очень важен. Опять же, вопрос: кто его выдрал? Владелец дневника? Или кто-то из тех, кто его нашел? Шеф говорит, что, когда он увидел труп, рюкзак бойцы уже распотрошили: вещи были разложены на траве рядом с фельдфебелем. Мог кто-то из солдат незаметно вырвать лист? Мог. А если этот клочок бумаги остался в рюкзаке? Рюкзак я потом осмотрел: стандартный маршевый ранец вермахта, с меховым верхом (дыра от выстрела располагалась у самого края). И не было в этом ранце никаких складок, где бы этот лист затерялся.

– Минаев! – воскликнул шеф.

Все вздрогнули. Была у товарища полковника такая привычка: сидит-сидит себе молча, размышляет – а потом, придя к какому-то решению, тут же без предупреждения начинает доводить его до подчиненных.

– Я! – Сан Саныч вскочил.

– Завтра выяснишь и начнешь прорабатывать всех бойцов, что были в секторе обороны, на который выходил этот самый Глок. Понятно?

– Так точно!

Ишь, подхалим. Скоро будет перед шефом на караул брать.

– Тимохин!

– Я! – вскинулся Сема.

А ведь заразно это, таким макарон скоро начнем строем ходить. Видимо, всему виной появившаяся у Федора, нашего, Степаныча манера обращаться к опергруппе по фамилиям. А подцепил он эту манеру в штабе полка, потому что больше вроде бы негде. Боевой офицер, туды его...

Чего я так прицепился к вырванному листу? А вот чего. Если надо что-то важное записать, а времени нет: хватаешь ты, допустим, дневник, откидываешь обложку – первая страница исписана, негде писать на первой странице; тогда быстро переворачиваешь на другую сторону, потому что последний лист всегда чистый...

Допускаем, что это был наш шпион. Точнее – шпион человека, известного нам как лейтенант Андреев. Он перешел через линию фронта, чтобы донести до Андреева какую-то информацию. Важную, судя по всему, информацию. Настолько важную, что помчался быстрее ветра.

И даже перед позициями одежду не скинул (а она вся мокрая после речки). Не идиот же он, в самом деле, чтобы ночью выходить к нам в немецкой форме. Бежал, бежал сломя голову! Значит, времени все подробно записать не было. А вот по-быстрому черкнуть, перестраховаться, так сказать – информация-то важная, из-за нее Глок жизнью рисковал – вполне логично. На случай, если подстрелят.

Подстрелят... Мне представилась картина: сидит, значит, такой холеный фашистский генерал с чудо-ружьём на коленях; сидит на бруствере окопа, в мягком кресле, ножки которого глубоко погрузились в размокшую от дождей глину; слева от кресла столик, на столике чашка кофе; генерал весь из себя надменный, маленькие изогнутые усики под носом блестят от бриолина; генерал, оттопырив мизинчик, курит через длинный мундштук; потом кладет его на стол, отпивает кофе, перехватывает чудо-ружьё и командует: «Выпускайте русского шпиона!» Бред? Бред!..

– Товарищ полковник, – снова возник Минаев. – Я вот о чем тут подумал. Если предположить, что человек, известный нам как лейтенант Андреев...

Я тяжело вздохнул, поднялся с удобной раскладушки и, захватив ватник, вышел на улицу. Никто, к счастью, в спину не окликнул.

На небе сияла полная луна – было светло, почти как днем, только выглядело все как на не слишком контрастной фотографии.

Петляя меж молодых березок, прошел сквозь перелесок, взобрался на вершину холма. И на некоторое время замер, любясь пейзажем. Поле, заросшее осокой, полого спускалось к реке. По полю катились еле заметные волны – ветер задумчиво перебирал траву. Река застыла расплавленным серебром, острые пучки камышей четко ограничивали берега. За рекой, на гребне тянувшегося параллельно руслу холма, стоял ряд кряжистых приземистых дубов. Равное расстояние между деревьями свидетельствовало о том, что посажены они были людьми, а размер – что произошло это не меньше ста лет назад. За дубами просматривалась широкая равнина и совсем-совсем далеко, уже на границе видимости, чернели какие-то постройки, и в одной из них вроде бы даже светилась желтая точка окна.

Наши позиции находились внизу слева, где речка делала изгиб. Отсюда не больше километра. Там ни огонька – блюдут маскировку. На противоположной стороне, у немцев, тоже темно, но если наш берег скрыт в тени холма, то фашисты в свете луны просматривались намного лучше: можно даже разглядеть крутые наросты дзотов и черную паутину ходов сообщения.

Спрятавшись в густой траве у подножия дуба (с нашей стороны на берегу тоже была высажена шеренга деревьев – для симметрии), я прикурил и снова приступил к «дедукции». Только теперь принялся отталкиваться от фактов.

Первый факт: Глок был одет в немецкую форму. Варианты объяснения:

1. Являлся кадровым военным вермахта.
2. Был нашим шпионом, внедренным в вермахт.
3. Надел форму, когда пошел на задание за линию фронта, или добыл ее в процессе выполнения задания в целях маскировки.

Все три варианта в принципе жизнеспособны. Нужно учесть, что, судя по записям в дневнике, Глок – чистокровный русский. С другой стороны – не стоит забывать, что форма была подходящей по размеру, а в ранце имелись личные вещи, которые на краткосрочное задание никто брать не будет. Но продолжительная работа на территории врага подразумевает наличие радиосвязи – чтобы каждый раз с донесениями не бегать.

Второй факт: вышел к нашим позициям в этой самой форме.

1. Убегал от опасности.
2. Двигался на условленное место встречи, где его должен был принять человек с нашей стороны.
3. Уходил от нас на ту сторону.

Третий вариант сразу отмечаем. Второй – тоже слабовато выглядит. По одной и той же причине: никто из бойцов на этом участке ни о каком переходе на ту сторону и тем более ни о какой встрече разведчиков предупрежден не был. Так что, заметив копошение перед окопом, лупанули бы от души со всех стволов – и амба. Значит, Глок бежал к нам, потому что на той стороне его прижали. Кто прижал? В ту ночь немцы не стреляли. Получается, уходил Глок тихо. Но если тихо – логично было бы ему переодеться, а лучше вообще отойти подальше от позиций и перейти на нашу сторону спокойно и с достоинством. Значит, все-таки прижали...

Третий факт: Глок был убит из неизвестного оружия.

1. Случайное совпадение. Каким-то образом чудо-оружие оказалось на этом участке фронта, а Глоку просто не повезло.
2. Не случайное совпадение. Этим оружием убили именно Глока – потому что так и было задумано.
3. Глока убили не с той стороны, а с нашей. Направление выстрела по ране установить не удалось.

С нашей стороны – маловероятно. Опросили всех, кто был на позициях. Скорее всего – фельдфебелю прилетело от немцев. И тут самое странное, что это оружие нигде еще не всплыло. Иметь такую штуку и не использовать ее во время войны – глупость, как ни крути. Значит, держат в тайне даже от своих. Прототип, в единственном экземпляре? Нелогично, потому что тащить на фронт прототип для испытаний в «боевых условиях» нет никакой необходимости. Эти твари спокойно на военнопленных могут потренироваться...

А ведь еще нужно учитывать и странного Андреева, и мертвую руку, вопреки законам природы царапающую «Да» на вопрос: «Они здесь?»...

В общем, так! Я снова, прикрывшись рукавом, закурил и некоторое время сгонял мысли в кучу. Что у нас получается, дорогой товарищ шеф? А получается, воля ваша, вот такая картина. Неизвестный труп, известный нам под именем Глок, являлся представителем тайной организации, противостоящей такой же тайной организации со стороны немцев. Он «работал» за линией фронта, отслеживал своих врагов и, судя по всему, выследил. Но каким-то образом засветился, попытался прорваться обратно к нам и был убит на самом финише. Схлестнувшись на данном участке фронта загадочные организации – как с нашей стороны, так и с немецкой – действуют втайне от властей и к советско-немецкому противостоянию непосредственного отношения не имеют. Если в ближайшее время вышеозначенное чудо-оружие проявит себя на фронте, готов отказаться от изложенных выводов, признать себя болваном и начать разработку дела с нуля.

«Родив» эту теорию буквально на пределе мозговой деятельности, я с чувством выполненного долга позволил извилинам расслабиться: курил, ни о чем не думая, смотрел на луну, наслаждался тишиной и покоем. Но недолго. Очень живо представился возможный диалог с шефом.

– Тайная организация?

Мощин цыкает зубом, что всегда свидетельствует у него об особом раздражении.

– Две тайные организации, – робко поправляю я.

– Две...

Краснея лицом, шеф посылает Сему за чаем и зловеще медленно усаживается напротив.

– Леша, я тебя зачем к этому делу привлек? – постепенно повышая голос, спрашивает он. – Чтобы ты мне тут опять жидомасонов ловил?

– Что значит – опять? – оскорбляюсь я.

– То и значит! Напомнить? – Шеф срывается на крик и бьет ладонью по столу.

Хлипкий ящик проламывается, керосинка опрокидывается, землянка погружается в темноту. Я пытаюсь нащупать упавшую лампу, но вначале нащупываю руку шефа, за что получаю от нее увесистый шлепок. Потом все-таки обнаруживаю керосинку, обжигаюсь о стекло, нецензурно выражаюсь (что при Мощине делать нельзя) и оставляю все как есть. Пусть сам исправляет. Спустя минуту боевой полковник справляется с задачей. Керосинка снова горит, но в центре стола зияет узкая прямоугольная щель. Так тебе и надо, старый пень, злорадно думаю я. Но тут же себя одергиваю: шефу явно стыдно собственной несдержанности, он сконфуженно косится на дыру в столе.

– Давай держаться в рамках реализма? – предлагает он мировую.

– Давайте, – соглашаюсь я. – Но тогда придется считать, что пишущий мертвец мне при见得ся.

– Я уже обосновал это. И в рапорте указал. Называющий себя лейтенантом Андреевым – сильный гипнотизер. И все эта свистопляска в морге была нужна ему, чтобы войти с тобой в контакт, подготовить, так сказать. Согласно исследованиям, не все люди одинаково восприимчивы к гипнозу. Есть такие, на которых он вообще не действует. Вот и с тобой он вначале устроил подготовительный этап, некую пробу сил, а потом, когда наладил контакт, приступил к допросу.

– Он приказал забыть, а я не забыл! – гордо напомнил я. – Значит, я тоже не очень восприимчив.

– Был бы ты не очень восприимчив, не разболтал бы секретную информацию, – не преминул уколоть Мощин.

Ну да, чего уж... если говорите: «сильный гипнотизер». Сам, небось, в той ситуации разболтал бы в разы больше. Еще бы и забыл все, согласно приказу супостата. А я хоть...

Тут внизу, по-над рекой, в сторону наших позиций протянулась ярко-оранжевая пунктирная черта, потом целый сноп чуть изгибающихся линий ударил в берег. Запоздало долетела трескотня пулеметов. Ночь сразу перестала быть лениво-прекрасной. С нашей стороны вывесили осветительную ракету, немцы, будто соревнуясь, тут же запустили над рекой два «фонаря». Размеренно забухала артиллерия. Из-за дубовой полосы поднялись три красные кометы, потом еще три – это подключился фашистский миномет, который наши бойцы почему-то ласково окрестили «Ванюша».

Я посмотрел на часы: семь минут второго. Опаздывают что-то фрицы. Будет вам, собаки, нагоняй от фюрера. Я был почти уверен, что обстрел им приказали начать ровно в час ночи.

Глава 6

20 сентября 2016 года. Чернобыль

Странное чувство: я вдруг понял, что в тот раз стоял точно на этом месте. Прошлым летом. Вот расщепленный пенёк, вот знакомое кострище – здесь довольно часто разводили огонь, и земля выгорела глубоко, даже несколько головешек сохранилось. Тут все осталось без изменений. Изменился остальной мир. Его больше нет.

– Глок! – зовет снизу Чапай.

– Сейчас!

Напарник копошится в орешнике у подножия холма – собирает дрова. Его невысокая крепкая фигура мелькает среди кустов, камуфляжная расцветка периодически сливается с листвой, и тогда Чапая можно проследить только по шевелению веток. Пусть копошится. Я остаюсь на месте. Почему-то кажется, что вот-вот смогу что-то понять...

Холмистая равнина, поросшая сухим ковылем, тянется вдаль. Белые метелки напоминают пену на гребнях волн. Кое-где монотонность травы нарушают заросли кустов, похожие на застывшие взрывы. Кляксой чернеет проплешина аномалии. Машинально отмечаю, что надо бы сходить, проверить на предмет артефактов.

И тут же снова накатывает: весь мир перестал существовать, в пыль растерто столько людей, а здесь, в Зоне, по сути-то ничего и не поменялось. Колыхнется трава под выцветшим небом, носятся листья над разбитым асфальтом... Только там, вдалеке, где раньше торчала такая привычная полосатая труба, теперь блестит на осеннем солнце большое озеро.

Может быть, именно поэтому обитатели Зоны так легко пережили катастрофу? Не в буквальном смысле – тут-то все понятно: проверенные убежища, сотни раз спасавшие от выбросов, спасли и на этот раз. Имеется в виду другое. Изгои, отщепенцы – мы заметили, что мира больше нет, только потому, что периметр Зоны перестал охраняться. А в остальном для нас ничего не изменилось. Или все-таки изменилось?

– Глок!

В голосе Чапая сквозит раздражение. Я спускаюсь вниз – нужно помогать. Вместе быстро разводим костер, процеживаем воду, вешаем над огнем котелок. Можно покурить.

– Чего ты там высматривал? – интересуется Чапай.

Как объяснить? И стоит ли вообще объяснять? Я гляжу на напарника: глаза лукаво поблескивают, из-под густых усов проглядывает усмешка. Поймет? На самом-то деле веселье это ненатуральное. Помню, точно так же лукаво щурился Чапай, передавая мне последний магазин, когда нас зажали у бетонного завода.

– Да видишь ли... – все-таки решаюсь поделиться сокровенным. – Вот с этого самого холма я осматривал окрестности год назад. Дня за три, по-моему, перед Взрывом.

Ничего не отвечает Чапай, наклоняется над котелком, помешивает макароны. Понял, значит, о чем я. Это хорошо. Радует, что я не один такой, с «зубной болью в сердце».

Со стороны леса прилетают две вороны, кружатся над костром с мерзким карканьем. Небо совсем чистое, по-осеннему блеклое, солнце поднялось уже высоко, пригревает.

– Накаркают сейчас. – Чапай недовольно поглядывает на птиц.

Макароны готовы. Вырезаю крышку, вываливаю тушенку в котелок. Воронам, видимо, надоедает нас дразнить – улетают. А может быть, они просто по людям соскучились? Мало их, людей, осталось. На уровне статистической погрешности. Едим молча, так же молча прикладываемся к фляжкам. Закуриваем. Чапай подкладывает куртку под голову, ложится.

– Мы с Чекистом весной в рейд ходили, – говорит он в небо. – Бабай выделил две бочки солярки. Просил не говорить никому... Но теперь уже неважно. В сторону Москвы поехали. Мало, конечно, горючки, но по пути еще планировали достать.

Чапай вещает монотонно, как будто сто раз рассказывал эту историю, и надоело ему уже, оскмину набило... А я замер с кружкой в руке, смотрю на его равнодушное лицо и вижу, что веселые морщинки вокруг глаз куда-то исчезли.

– Зверья много, – продолжает Чапай. – В основном мутанты, с Зоны. На джип, конечно, в лоб бросаться опасались, но пару раз нас чуть не зажали. Карта была. Ночевали в воинских частях. Там и горючку брали. На АЗС соляра, та, что с присадками, – она давно протухла. А у вояк законсервированная – самое то.

Он надолго замолкает. Здесь, под холмом, очень тихо, только ветерок чуть проходится по верхам орешника. Костер почти прогорел, угли начинают подергиваться пеплом. Я беру котелок, начинаю обтирать сорванными листьями.

– Ни одного человека. Понимаешь, Глок? – Чапай поворачивается ко мне. – Это очень страшно. Когда города, поселки, дома – и никого. До Хомутовки доехали, это уже на территории России, и там развернулись.

– Почему?

– В аномалию угодили. «Разрядник» всю проводку пожег. Кое-как залатались – и обратно.

Чапай быстро поднимается, начинает собираться.

– Знаешь, – сообщает он рюкзаку, – и очень хорошо, что не доехали. Мне Москву в таком состоянии, как Киев, видеть совсем не хочется.

Прежде чем пойти дальше, прошу Чапая подстраховать – хочу проверить аномалию. Коммерческого веса артефакты больше не имеют, но их полезные свойства никуда не делись.

Проходим через кусты, останавливаемся возле черной проплешины. Аномалия спит – просто пятно выжженной травы, даже воздух не струится над золой. Между тем в момент активизации температура в эпицентре может достигать нескольких тысяч градусов.

– Большая, – с намеком говорит Чапай.

– Спокойно, папаша!

В этом деле главное – стратегия. Достаю детектор, включаю: прибор радостно пищит. Хорошо. Аномалия метров десять в диаметре, черные протуберанцы тянутся во все стороны, как лепестки цветка. Выбираю тот, что потолще, достаю мешок с гайками.

– Отойди, – команду напарнику.

Первую гайку бросаю в траву, у закругленного края «лепестка» – ничего. Следующая гайка падает уже в золу, вверх взлетает черный фонтанчик пыли. Ага! Доносится еле слышный хруст, как будто ломается тонкий лед. Главное, вызвать огонь на максимально возможном от центра расстоянии. Тогда она быстрее выдохнется. Еще одна гайка, сантиметров в десяти от предыдущей. Земля снова хрустит, но уже настолько угрожающе, что Чапай, выматерившись, отпрыгивает подальше. Я швыряю третью. И вот оно: от центра пятна по золе проносится огненная полоса, и там, куда упала гайка, вверх выстреливает острый огненный факел. Пламя, еле видимое на солнце, гудит, лицо обдаёт жаром. Не теряя времени, укладываю гайку в другой протуберанец, слева. Снова огненная дорожка, снова гул, огненный столб метра на два. Перебегаю дальше, зажигаю еще один факел. Потом еще... Шестая гайка уже не вызывает никакой реакции. Подскакиваю ближе, на всякий случай кидаю еще одну – тишина. Первый факел уже увядает, клонится на сторону. Времени секунд тридцать. Набрав в грудь воздуха, влетаю внутрь выжженного контура. Вожу детектором. Светящаяся точка на экране чуть левее центра. Корректирую направление. Первый факел опустился почти до самой земли. Огненный гул меняет тональность. Время вышло. И тут я вижу его: зыбкий, еле заметный сгусток на уровне колена. Подхватываю горстью и в два прыжка вылетаю наружу. Вовремя: огненная дорожка

устремляется вслед, выходит за пределы черной кляксы, фонтан пламени поднимается прямо из травы, огонь быстро выедаёт в траве ещё один чёрный «лепесток».

– Покажь! – подбегает Чапай.

Я разжимаю пальцы: на ладони алеет полупрозрачный шар размером с куриное яйцо.

– Ух ты!

– А ты лезть не хотел! – Я смотрю сквозь красный шарик на гудящее пламя.

Артефакт греет пальцы, спокойное, доброе тепло растекается от ладони по всему телу. Теперь никогда не буду мерзнуть, хоть в сугробе заночую. Насколько помню, таких артефактов при мне находили не более пяти штук. И главное, он практически не фонит, что для порождения аномалии большая редкость.

Мы продолжаем путь. Пересекаем поле, выбираемся на разбитое шоссе. Трещины в асфальте густо проросли травой, кое-где покрытие вздыбились молодые деревца.

Дорожная насыпь пересекает поле по прямой и упирается в далекий лес. На опушке виднеется бревенчатая изба метеостанции – наша цель. Отряхиваемся, снимаем друг с друга колючки. Идем дальше.

– Глок, ты ведь журналистом был? – спрашивает Чапай.

– Формально.

– Про Зону писал?

– Случалось.

– Как думаешь, откуда она взялась?

Чапаю перевалило за сорок. Из них лет десять по Зоне бегает. Один из старожилов. Версий возникновения Зоны за свою сталкерскую жизнь небось наслушался выше крыши. Но я его понимаю – молча идти тоже скучно.

– Хрен ее знает, откуда взялась Зона. – Пытаюсь почесать затылок, но упираюсь в пластик шлема. – Говорят, какой-то эксперимент на АЭС проводили.

– Кто позволит на аварийной станции работать?

– Один блок не работал, а три остальных вполне себе. Я читал товарища одного, так он доказывал, что станцию вообще построили только для того, чтобы питать секретные эксперименты. Сам же знаешь, сколько тут под землей лабораторий понатыкано.

– А Большой Взрыв тоже в результате эксперимента?

По сторонам шоссе – поля. Справа равнина идет до самой станции, точнее – до озера, образовавшегося на ее месте. Оттуда тянутся ржавые, покосившиеся опоры ЛЭП, пересекают дорогу и упираются в густой сосновый лес. От просеки не осталось и намека. В лесу, по слухам, водятся такие медведи, что от одного их вида может стать дурно.

– Что ж за эксперимент такой, чтобы весь мир сжечь? – привожу я аргумент. – Нереалистично это.

– Ну да, – иронично кивает Чапай. – А все эти аномалии-артефакты, они очень реалистичны.

Тоже верно. Но соглашаться не хочется. Собираюсь с мыслями, чтобы возразить. И тут вижу, как от леса по направлению к нам устремляются какие-то полускрытые травой звери. Один, два... пять серых спин. Голов не видно, будто специально пригибаются к траве, чтобы не заметили. Над стаей кружит пара ворон – видимо, те же самые, что мешали нам обедать.

– Говорил, накаркают! – шипит Чапай, сдергивая дробовик. – Встречай волков!

Прикидываем расстояние до метеостанции: полкилометра, не больше. Может, успеем?

– Попробуем! – Чапай закидывает ствол обратно за спину и срывается с места.

Звери, заметив наш маневр, меняют направление, бегут наперерез. Теперь я вижу их морды: похожие на собачьи, но длиннее и уже. Вороны молча скользят над стаей. Волки тоже не издают ни звука – кажется, что они плывут по колыхающемуся морю травы. Сверху весело светит солнце.

Рюкзак Чапая маячит в метре передо мной, ствол его дробовика ходит ходуном, с лязгом бьется о шлем. Не успеем. Твари совсем близко, я уже вижу, как светят голубизной глубоко посаженные глаза ближайшего зверя. Где это видано, чтобы пять волков осмелились напасть на двух людей? Но факт, как говорится, налицо. С ходу, наверное, не набросятся, начнут кружить, уворачиваться от выстрелов, попытаются напрыгнуть со спины, повалить...

– Граната! – предупреждаю Чапая.

Кидаю лимонку на ход стаи, напарник непроизвольно виляет к дальней обочине, я следом. Грохот, всплеск огня вперемешку с землей. Одного волка достал, он с визгом падает, катится в сторону, приминая траву. Четверка оставшихся шарахается, сбивает темп. Чапай лупит картечью, еще один зверь, споткнувшись, ныряет вниз. Троица выскакивает на дорогу позади нас. Теперь я могу разглядеть тварей: оскаленные пасти, маленькие уши, серая свалывающаяся шерсть. Невысокие, но очень коренастые. Мощные передние лапы, поджарые зады – они напоминают гиен-переростков.

Бью короткой очередью, но мимо – волки проскакивают на ту сторону. Снова хлопает дробовик Чапая. Справа мелькает тень – успеваю повернуться и выстрелить: окровавленная морда пролетает в сантиметре от плеча, падает на дорогу. Сажаю пулю за пулей в бешеный ярко-голубой глаз. Задняя лапа монстра подрубает меня под колени. Удар настолько силен, что ноги взлетают выше головы, я всей массой валюсь на спину, рюкзак амортизирует. Где-то сверху витиевато матерится Чапай – он уже садит в тварей из пистолета. Выворачиваюсь из лямок, перекатываюсь на живот. Чуть не утыкаюсь лицом в расквашенную голову твари – ужасный смрад. Перед Чапаем валяется еще один волк, сучит лапами, когти крошат ветхий асфальт.

– Перезаряжай! – Я вскакиваю, встаю рядом.

Два волка носятся под насыпью. Прицельтесь мешают кусты. Краем глаза вижу: Чапай опустил на колено, торопливо загоняет патроны в магазин. Над зарослями взвизгивает серое тело, встречаю его длинной очередью, но почти все мимо. Волк летит прямо на меня. Отпрыгиваю, ухожу с линии огня. Чапай засаживает почти в упор – голова монстра разлетается кровавыми ошметками. Подскакиваю к напарнику, быстро меняю магазин. Но оставшийся в живых мутант уже далеко: серая спина, удаляясь, то выныривает, то исчезает в траве.

– Волки позорные, – цедит Чапай.

И, вскинув дробовик, стреляет в небо. Мимо: пара ворон, истерично покаркивая, уносятся обратно к лесу. Прикидываю расстояние – нет, с «калаша» тоже не достану. И тут впереди трещит выстрел: правая ворона сбивается с ритма и, дернув крыльями, валится на землю. Еще хлопок – и вторая птица осыпается вниз ворохом перьев. Это подоспел на подмогу Паутиныч.

Он потешно машет нам руками: маленький, бородатый. Похож одновременно на Льва Толстого и Ленина, только неухоженный. Всю жизнь проработал на метеостанции, не ушел оттуда, даже когда возникла Зона. А после Взрыва, как он заявил, уже и уходить некуда.

– Ко мне? – кричит Паутиныч на подходе.

– А то к кому? – откликается Чапай. – Здорово, отец!

Паутиныч подходит, жмет руки. Одет он в старый брезентовый плащ, камуфляжные штаны заправлены в кирзачи, на голове – потертая кожаная кепка. С собой прихватил СВД – вот чем объясняются меткие выстрелы. Хотя, по слухам, Паутиныч и без снайперки мастер по стрельбе.

– Вы от Хирурга?

– От него.

– Пошли, я все приготовил.

От шоссе к метеостанции когда-то шла выложенная плитами дорога. Сейчас эти плиты практически исчезли, утонули в земле, только кое-где из-под дерна торчат раскрошенные бетонные углы. Метеостанция представляет собой одноэтажный бревенчатый домик посреди

огороженной сетчатым забором территории. Забор практически сгнил, остатки сетки ржавыми лоскутами висят на металлическом каркасе. До сих пор не понимаю, как Паутиныч может жить один в Зоне. Почему его не трогают твари – тоже загадка.

Мы идем вслед за хозяином. У покосившегося деревянного крыльца стоит бочка, доверху наполненная водой. Поднимаемся по ступенькам, заходим в дом.

Комната с низким потолком. Посреди – массивный стол с блестящим медным самоваром. В доме пахнет яблоками и дымом. Не сговариваясь, начинаем разуваться.

– Чай будете? – предлагает Паутиныч.

И тут я замираю с расшнурованным берцем в руке. Напротив входа – дверь в другую комнату. Она открыта. Видна железная кровать с хромированной дугой спинки. И на этой кровати сидит женщина. Она одета в какой-то пестрый сарафан, длинные чуть выющиеся волосы падают на плечи.

– Это кто? – От неожиданности я забываю о приличиях.

– Внучка, – буднично поясняет Паутиныч. – С Ельска пришла.

Женщина медленно поворачивает голову на звук голосов. На молодом, очень бледном и очень красивом лице зияют бессмысленно-пустые глаза шатуна.

Глава 7

11 октября 1943 года. Позиции 1078-го стрелкового полка

Было очень тихо и очень темно. Ночь выдалась облачная, что в тактическом плане не могло не радовать, но чисто по-человечески – луна бы не помешала. Мы спустились к реке, передо мной черной тенью плыла спина сержанта Ковалю.

Вдалеке справа, над позициями, с равными промежутками вспыхивали одиночные осветительные ракеты, и от этого темень вокруг нас казалась еще гуще.

Высокая, по колено, трава оказывала активное сопротивление – я двигался, как в воде, жесткие стебли путались в ногах, невидимый в темноте репейник с хрустом цеплялся за одежду, рассыпался, оставляя на штанах и рукавах гимнастерки раздражающие заусенцы.

Первым шел еще один мой боец, ефрейтор Мамажан Нурбаев, но о его существовании в этой тьме египетской свидетельствовал только тихий шорох. Как этот «друг степей» ориентировался – оставалось только предполагать. А может, и не ориентировался он вовсе? Вдруг сейчас мы скатимся в какой-нибудь овраг, переломаем шеи, и на этом моя карьера командира разведроты скоропостижно закончится? Да, тогда шефу все-таки придется признать мою правоту...

Упустив момент, когда шорох впереди стих, я налетел на Ковалю, больно приложившись носом о ствол. Сержант только тяжело вздохнул. Чего встали? Я прислушался: где-то недалеко шелестели на ветру листья. В сыроватом воздухе явственно проступил запах тины. Я понял, что река совсем рядом – и тут же тихий плеск подтвердил мою догадку.

– Вон той тропинк к лодк выходит, – глотая окончания, прошипел Нурбаев над самым ухом.

Какая тропинка? Я проморгался, потер глаза... Он издевается? Неровный контур противоположного берега чернел на фоне более светлой черноты неба. Вот и все, что я смог разглядеть. Ну да, впереди, метрах в трех, не столько виделась, сколько ощущалась стена прибрежных кустов. В который раз с начала ночного путешествия кольнула мысль: зря я все это затеял!

– Пошли, – выдохнула темнота голосом Ковалю.

Ориентируясь на шум, двинулся следом. Спуск стал круче, я невольно ускорил шаги. И получил по лицу веткой, потом еще раз, довольно ощутимо. Поводил в темноте руками, но никаких веток не нащупал. Шуршание шагов сменилось легким чавканьем, я почувствовал, что земля под подошвами начала мягко проминаться, а вскоре появилась и открытая вода. Зацепился за корень, чуть не упал, расставил руки для равновесия и тут же снова схлопотал по лицу – на этот раз, судя по ощущениям, небольшим бревном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.